

и т. п., которого настойчиво требовала католическая церковь на Западе. Это находило свое выражение в сохранении византийской миссией местных языков для богослужения, что придавало в известной мере «либеральный» характер деятельности византийских миссионеров.

Проблема различия методов церковных миссий католической и православной церковью оказалась затем в центре дискуссии, развернувшейся по докладу Д. Моравчика.

Содоклад Л. Мюллера (Тюбинген, ФРГ) был посвящен вопросу о характере византийской церковной миссии на Руси в IX—X вв. Л. Мюллер, как и Д. Моравчик, особое внимание в докладе уделил выяснению *основных принципов* деятельности византийских миссий. В отличие от Д. Моравчика, Л. Мюллер, однако, усматривал специфику византийской церковной миссии отнюдь не в ее относительной либеральности (сохранение племенных и языковых особенностей у христианизирующихся язычников), а в том, что на Западе деятельность католических миссионеров якобы носила индивидуальный характер, была результатом личной инициативы отдельных проповедников, между тем как в Византии, по утверждению Л. Мюллера, миссионеры выступали как представители государственной власти и христианизация была следствием и одновременно средством политической экспансии империи. Докладчик стремился одновременно отделить деятельность католических миссионеров от политической и военной экспансии германских феодалов.

В прениях по докладу Д. Моравчика и содокладу Л. Мюллера основное внимание выступавших было сконцентрировано на определении сходства и различия в характере и методах миссий православной и католической церковей. Тезис Л. Мюллера об индивидуальном характере католической миссии не получил поддержки ученых.

Советские ученые Н. В. Пигулевская и А. П. Каждан в своих выступлениях указали на необходимость изучения внутренних причин христианизации варварских народов и привлечения новейших археологических исследований в Северном Причерноморье, в частности памятников Салтово-Маяцкой культуры.

Основным проблематикой византино-сербских отношений в XIV в. был посвящен доклад академика Георгия Острогорского (*Белград*). В центре внимания докладчика находился вопрос об исторических судьбах сербских княжеств, на которые распалась держава Стефана Душана. В частности, Г. Острогорский остановился на характеристике общественного и государственного строя и внешней политики Сербского княжества. В основу доклада была положена монография Г. Острогорского о Серрах, опубликованная в 1965 г.¹ Автор поставил задачей выяснение соотношения византийских и сербских национальных элементов в социально-экономической жизни, административном устройстве и церковной организации Сербского княжества. Г. Острогорский приходит к выводу, что на всей структуре Сербского княжества лежал византийский отпечаток. Несмотря на потерю Византией реальной власти на землях, перешедших под власть сербов, империя все же сохраняла здесь непркосновенным свой престиж и свое влияние. Рядом с сербской властью всегда жили традиции и установления Византийской империи. Как по существу, так и по форме государственные институты Серб оставались византийскими, и византийское влияние на внутреннюю жизнь Сербского княжества было даже более сильным, чем в свое время на державу Стефана Душана. Знатные греки занимали видные посты при сербском дворе и одновременно являлись крупными земельными собственниками в Македонии. Лишь в сфере церковных отношений преобладали сербские элементы и митрополия Серб возглавлялась славянами, а Афонские монастыри управлялись сербскими протами. Таким образом, Г. Острогорский выступил как сторонник сохранения в Сербском княжестве сильного влияния византийской государственности.

Содоклад Дж. Сулиса (США), внезапно скончавшегося перед конгрессом, был прочитан югославским ученым Б. Крекичем. Дж. Сулис солидаризировался с Г. Острогорским по основному вопросу о византийском влиянии в сербских землях. Как и Г. Острогорский, Дж. Сулис признал византийское влияние доминирующим как в самой державе Стефана Душана, так и в сербских княжествах, на которые она распалась. Этот тезис Г. Острогорского и Дж. Сулиса был поддержан другими византинистами и славистами.

Та же проблема «византийского влияния» на сопредельные с империей страны дебатировалась при обсуждении коллективного доклада советских ученых Г. Г. Литаврина, А. П. Каждана и Э. В. Удальцовой «Отношения Древней Руси и Византии в XI — первой половине XIII в.».

В докладе были подведены итоги новейших исследований советских и зарубежных ученых по проблеме византино-русских связей в сфере экономической, политической и культурной жизни. Наибольший интерес специалистов вызвал вопрос о византийском влиянии на культуру Древней Руси. В докладе подчеркивалось, что влияние византийской цивилизации на Русь равным образом не следует как преувеличивать, так и преуменьшать. Византийское влияние в различных сферах материальной и духовной культуры Древней Руси проявлялось с неодинаковой интенсивностью, что зависело от уровня развития дохристианской народной культуры и от степени соответствия или несоответствия культурных ценностей, получаемых из Византии, жизнен-

¹ Г. Острогорски. Сербска област после Душанове смрти. Београд, 1965.